

Вечно закрытые небесные врата

Чу Луаньхуэй не пострадал от жестокости Бучжоу.

Горбун своим видом пугал большинство людей. Его лицо, искажённое злобой, напоминало лик демона из преисподней.

Когда Бучжоу тащил его в железную клетку у конюшен, даже на расстоянии чувствовался едкий запах крови, который, видимо, чтобы не беспокоить Се Хунъи, пытались заглушить благовониями.

Воины в чёрных доспехах смотрели на него как на мертвеца.

Но Чу Луаньхуэй, будучи искусным обманщиком, был и тонким психологом. За короткий путь он успел разглядеть старую травму Бучжоу и, рискнув, извлёк из неё обломок кости.

Пыточные инструменты Бучжоу вросли в его плоть, и этот поступок был лишь каплей в море, но всё же принёс некоторое облегчение.

После этого Бучжоу стал относиться к нему мягче. Он догадывался, что была и другая причина — его лекарство подействовало.

Он не торопился бежать. Отряхнув пыль с белого халата, он встал у края тренировочной площадки и стал наблюдать.

Бой был хаотичным, повсюду раздавались крики воинов. От Дань Фэна же не было слышно ни звука, лишь толпа с грохотом расступалась, и несколько чёрных фигур взлетали в воздух, ударяясь о костяные стойки.

После очередной схватки раздались яростные выкрики Дань Фэна:

— Слишком медленно! Строй клинков рыхлый, дырявый, как решето! И так вы защищаете господина?

— Медленно!

— Беспорядочно, неорганизованно! А ты, когда атакуют сверху, рубишь снизу. Умник нашёлся, а на деле — слабое звено! Пошёл вон!

Он говорил сурово, как будто отчитывал внуков. Каждый удар его клинка, нанесённый плашмя, точно и сильно отбивал чёрный клинок противника, а затем, развернувшись, бил по запястью воина.

Любой мог видеть, что сейчас он был полностью сосредоточен на оттачивании их строя и не скрывал своей властной манеры.

Сколько же лет он был наставником, чтобы выработать такую привычку?

Тех, кто не подчинялся, он приводил в чувство силой, а затем учил. Сначала нужно было показать свою силу, а потом уже объяснять.

Такое поведение, конечно, было отвратительным, но против физического превосходства не попрёшь.

Воины, как бы ни старались, не могли увернуться от его ударов. Постепенно они перестали кричать, и их клинки, сплетаясь в плотную сеть, раз за разом обрушивались на Дань Фэна.

Но тот был подобен несокрушимой стальной машине, сочетающей в себе чистую мощь и предельную ловкость. Он мог прорвать строй грубой силой, одним ударом клинка разметав противников, а мог, уворачиваясь и маневрируя, молниеносно пронестись сквозь лес клинков, так что его тень невозможно было уловить.

Чанхэ, наблюдавший со стороны, становился всё серьёзнее.

Чу Луаньхуэй подумал, что в бою проявляется истинная суть человека. Раз Дань Фэн показал свою искренность, воины не станут ему мешать. Это был простой и грубый, но действенный путь.

Он смотрел некоторое время, и наконец появился тот, кого он ждал.

Се Хунъи в сопровождении нескольких целителей вышел из-за угла галереи и, прислонившись к перилам, посмотрел на бой.

Лицо его было по-прежнему бледным, но ощущение хрупкости, готовой рассыпаться от одного прикосновения, исчезло. Чу Луаньхуэй впервые так ясно видел его лицо. Словно с зеркала стёрли пыль. Его сердце пропустило удар, и со смешанным чувством волнения и горечи он улыбнулся ему.

— На вашем лице появился румянец, градоначальник. Это признак того, что яд Матери Чумы начинает рассеиваться. Похоже, моё лекарство подействовало.

Се Хунъи пристально смотрел на него, не говоря ни слова.

Старые целители же сверлили его взглядом, полным негодования. Они готовы были назвать его обманщиком, но репутация Школы Людей-лекарств всегда была такой, и Чу Луаньхуэй не обращал на это внимания.

— Уважаемые старшие, вы уже проверили пульс градоначальника?

Раз уж он спросил, главный целитель, Сунь Яосянь, с побагровевшим лицом, нехотя ответил:

— Этот метод согревающего преобразования, хоть и медленный, но застоявшаяся вода в теле градоначальника начала двигаться... Однако, это всё равно что точить камень водой, сколько времени уйдёт, и сколько яда удастся вывести, сказать трудно!

Он, скрепя сердце, сказал эту справедливую фразу, и Чу Луаньхуэй тут же улыбнулся:

— Благодарю вас, старший Сунь. Ваша душа широка, и вы всегда ставите исцеление на первое место, без всякой предвзятости. Мне стыдно. Мои познания ничтожны, и я лишь случайно наткнулся на нужный ингредиент, чтобы согреть меридианы градоначальника и подготовить путь для ваших бесценных рецептов. Истинное исцеление зависит только от вас, старшие.

Он говорил так искренне, и его благородная внешность так не вязалась с образом коварного ученика Школы Людей-лекарств, что лица старых целителей смягчились. Сунь Яосянь хмыкнул и перестал его ругать.

Чу Луаньхуэй тут же повернулся к Чанхэ с виноватым видом и, казалось, хотел что-то сказать, но не решался.

Чанхэ одним глазом следил за боем, а другим — за ними.

— Если это на пользу градоначальнику, говорите, целитель Чу, — тут же сказал он.

Взгляд Чу Луаньхуэя блеснул, и он смущённо улыбнулся:

— По правде говоря, с момента прибытия в город у меня нет места, где остановиться. Я бы осмелился попросить небольшой участок для выращивания трав, чтобы я мог тщательно обдумать рецепт для восстановления сил. Сейчас градоначальник пьёт только кровь людей-лекарств, а это расточительство.

— Вы хотите поселиться в особняке градоначальника? — нахмурился Чанхэ.

— Не смею! Лишь бы поближе к особняку, чтобы градоначальнику было удобно меня вызывать.

В этих словах не было ничего предосудительного.

— Чанхэ, распорядись, — сказал Се Хунъи.

— Благодарю вас, градоначальник! — сказал Чу Луаньхуэй, глядя на него.

До того как Кольцо из кости, рождающей ветер, было сломано, никто не смел так прямо смотреть на Се Хунъи. Взгляд Чу Луаньхуэя был тёплым, как весенний ветер, но проникал глубоко, и Се Хунъи слегка нахмурился.

Когда он собирался уходить, взгляд Се Хунъи скользнул по его фигуре, и он вдруг сказал:

— Ваше лицо мне знакомо.

От этих слов Чу Луаньхуэй расцвёл, и на его губах появилась ямочка.

— Я тоже с первого взгляда почувствовал к вам родственную душу, градоначальник. Но не знал, как подступиться. То, что сегодня я могу быть вам полезен, возможно, предназначено судьбой.

Словно в подтверждение его слов, раздался низкий рык, и с карниза на юго-западной стороне покоев легко спрыгнул лазурный снежный ни. Его звериные глаза, похожие на фонари, приблизились к Чу Луаньхуэю, но в них не было и тени свирепости, скорее, детское любопытство. Чу Луаньхуэй, улыбаясь, подошёл к нему.

— Би Сюэ?

Би Сюэ что-то проворчал. Его лапы были огромными, с острыми, как кинжалы, когтями, которые обычно были втянуты в мягкие подушечки. Сейчас он положил лапу на плечо Чу Луаньхуэя, и тот, схватив её, легонько сжал, и зверь, выпустив когти, склонил голову.

— Рана на твоей лапе зажила, но от быстрой беготни она потрескалась. Нужно смазать её эссенцией из трав, чтобы увлажнить. Как насчёт запаха жасмина?

Чу Луаньхуэй говорил, и Би Сюэ качал головой, но вдруг низко зарычал и, оттолкнувшись от его плеча, прыгнул!

Дань Фэн, неизвестно когда покинувший бой, стоял у него за спиной.

Перед лицом серебряного облака, нависшего над ним, мастер боевых искусств не дрогнул. Он выставил кулак и столкнулся с лапой зверя, а затем, в короткой схватке, схватил его за подушечку и повалил на землю.

— Брат ни, не обижайся, прими подарок в честь знакомства, — сказал Дань Фэн и, сильно потрепав его по голове, точно так же достал морковку и сунул её в оскаленную пасть Би Сюэ.

Би Сюэ пришёл в ярость и уже замахнулся лапой, чтобы ударить его по лицу, но Се Хунъи холодно произнёс:

— Назад.

Би Сюэ выплюнул морковную кашу в Дань Фэна, его тело резко уменьшилось, и, прыгнув в объятия Се Хунъи, он превратился в фарфоровую курительницу в виде льва-суаньни, который, задрав морду, гневно смотрел на Дань Фэна, и из его ноздрей шёл синий дымок, словно он жаловался на обидчика.

Се Хунъи обнял его, его нефритово-белое запястье легло на крышку курительницы, и он устремил на Дань Фэна пристальный взгляд, снова превратившись в злого бодхисаттву в нише.

— Перестал драться?

Этот взгляд был недобрым. Чу Луаньхуэй поклонился и тихо удалился. Несколько воинов в чёрных доспехах вежливо сопроводили его.

По сравнению с этим изворотливым красавчиком, Дань Фэн потерпел полное поражение, но, к счастью, он был толстокожим и, не обращая внимания на чужие взгляды, сказал с горящими глазами:

— Я теперь твоё лекарство, и с этими твоими братьями по оружию уже нашёл общий язык, ты же видел.

— И что ты хочешь? — с холодной усмешкой спросил Се Хунъи.

Дань Фэн распахнул верхнюю одежду, обмахнулся и сказал:

— Просто спрашиваю, мою постель, что я оставил в твоих покоях, не выбросили? Если хочешь моей крови, это легко устроить. А ночью, если какая-нибудь нечисть ползет, я её тут же придавлю.

Воины, которые только что прониклись к нему некоторым уважением, услышав эти слова, полные волчьих амбиций, тут же смирили его гневными взглядами.

Би Сюэ тоже надул щёки и, как жаба, заквакал, словно соревнуясь с ним, но Се Хунъи легонько шлёпнул его.

— В моих покоях нет ни комаров, ни недостатка в любовниках.

— Тот керамический обезьян сегодня не добился своего, он ещё вернётся, — серьёзно сказал Дань Фэн. — Он мастер талисманов и марионеток, его клинком не остановить. К тому же, Сюэлянь не будут сидеть сложа руки, пока ты избавляешься от яда. В ближайшее время нечисть будет особенно активна. Ты не любишь, когда к тебе приближаются, и это даёт им шанс.

— И пусть? — равнодушно ответил Се Хунъи.

— Давно ты спал спокойно? — спросил Дань Фэн, глядя на него.

— Когда ты рядом, мне ещё беспокойнее, — ответил Се Хунъи.

— Тебе нужно будет остерегаться только меня одного. Разве это не спокойнее?

Они обменялись всего несколькими фразами, а лицо Чанхэ уже побледнело. Он с глухим стуком опустился на колени, и все воины последовали его примеру.

— Сегодня градоначальник подвергся нападению, а мы ничего не знали. Мы не смогли ни отразить врага, ни защитить от нечисти. Наш проступок так велик, что нам стыдно до смерти. Просим градоначальника наказать нас!

Чанхэ не поднимался с колен, его нарисованные глаза были широко раскрыты, и горячий пот, стекая, проникал в них, отчего они покраснели и опухли, словно от слёз.

— Мы подвели вас, градоначальник. Просим сурового наказания! — сказали воины.

Пальцы Се Хунъи, гладившие курильницу, на мгновение замерли.

— Получите плетей! Чанхэ, останься.

Когда воины ушли, взгляд Се Хунъи остановился на Чанхэ.

Этот начальник стражи был с ним много лет, всегда спокоен и рассудителен. Но сейчас он не поднимался с колен, его глаза были прикованы к воротам, а спина судорожно дёргалась.

Причиной этой боли был не сам Се Хунъи, а тяжёлое, как гора, прошлое.

Се Хунъи не наказывал его и не утешал, лишь время от времени поглаживал курильницу в руках.

К полудню снегопад усилился, ударяя по крышам и раскачивая железных коней на карнизах. Звук был похож на шелест песчаного водопада.

Чанхэ стоял на коленях под карнизом, и вскоре его с ног до головы покрыл снег. Даже брови скрылись под белым покровом, а снежинки залетали в глаза, должно быть, причиняя острую боль, но его бронзовое лицо оставалось неподвижным, словно замёрзшим.

— Ты всё ещё не понимаешь? — спросил Се Хунъи.

— У меня одна просьба, — сказал Чанхэ, с глухим стуком ударившись лбом о землю.

— Говори.

— Прошу градоначальника стереть мой разум! — глухо произнёс Чанхэ, и мышцы на его щеках задергались. — Я напрасно таращу свои четыре глаза, но даже ворот уберечь не могу, позволяя им входить и выходить, как к себе домой. Зачем я вам такой нужен, градоначальник?

— Ты и так был на пороге смерти, — сказал Се Хунъи.

— Никогда не забуду, как вы спасли мне жизнь.

Услышав слово «марионетка», Дань Фэн насторожился. Он уже догадывался о происхождении этих воинов, и Се Хунъи, похоже, не собирался этого скрывать.

У всех этих воинов были смертельные раны. Оказывается, в последний миг перед смертью они получили милость Се Хунъи.

Но разве быть марионеткой — это счастье? Даже умереть нельзя.

— Ты был рождён из-за техники переплавки тени. Сохранить хоть частичку прошлого было нелегко, и ты готов стать просто марионеткой?

— Градоначальник приложил столько усилий, чтобы сохранить наш разум... — тихо сказал Чанхэ.

— Так почему? — холодно прервал его Се Хунъи.

Когда его лицо становилось серьёзным, оно походило на отполированное серебряное зеркало,

от которого веяло холодом и непререкаемой властью. Обычный человек и так бы испугался, не говоря уже о Чанхэ, который был ему всем обязан и чья жизнь и смерть зависели от него.

— Не хочешь разума? Хорошо, сними доспехи, иди к городским воротам и стой там, как безмозглая ледяная статуя! Мало у меня таких?

Под его взглядом могучая фигура Чанхэ словно сжалась. Он был доведён до предела и наконец, резко подняв голову, сказал:

— Градоначальник, но я же нарушил клятву! Слишком больно... каждый раз, когда я смотрю на ворота, я понимаю, что забыл что-то важное... У меня в голове будто дыра, а внутренности сгорают, но я никак не могу вспомнить. Это чувство... словно я проглотил тысячу отравленных клинков, и не знаю, когда они вырвутся наружу. Я не то чтобы не дорожу жизнью, просто боюсь!

Растерянность и ужас на его лице не были притворством, а мучительные судороги заставили и Дань Фэна внутренне содрогнуться.

«Лучше вынести муку, пронзающую костный мозг, чем нарушить клятву Чанлю».

В Чанлю нарушение клятвы всегда было проклятием, вплетённым в самую ткань причин и следствий.

Для нарушивших клятву то, что они забыли, однажды непременно станет самым большим сожалением в их жизни.

Взгляд Се Хуньи скользнул по нему, и он коротко усмехнулся:

— Дань Фэн не боится, а ты чего боишься?

Дань Фэн, стоявший рядом, услышав это, схватился за перила. Он понял, что Се Хуньи использует Чанхэ, чтобы припугнуть его.

Но он был из тех, кто не верит, пока не увидит гроб.

Лучше вынести все муки, чем всё забыть и стать трусом!

— Чанхэ, — сказал Се Хуньи.

— Слушаю, господин.

— Я не хочу слышать этого во второй раз, — сказал Се Хунъи. — Иначе, исчезни сам, не спрашивая меня. Даже в качестве марионетки мне не нужно бездушное тело.

— Когда-то ты, одержимый, пришёл просить меня. Теперь, твоё желание всё ещё не исполнено. Не можешь вспомнить, и испугался?

В глазах Чанхэ отразилась мучительная растерянность. Очевидно, из-за клятвы Чанлю он забыл даже то, за что цеплялся в последний миг перед смертью.

— Ты сегодня провинился, так что испытаешь для меня Дань Фэна, — сказал Се Хунъи.

Дань Фэн поднял бровь.

— Проиграешь — убирайся, — сказал Се Хунъи.

— Ты так милостив. Как я могу проиграть? — рассмеялся Дань Фэн.

<http://bllate.org/book/16978/1590986>